

Тимо Вихавайнен, профессор русских исследований
Институт культуры мира, Университет Хельсинки, Финляндия
timo.vihavainen@helsinki.fi

Санкт-Петербург глазами финских корреспондентов. Вторая половина XIX в.

Финляндия, Санкт-Петербург, пресса, история

Finland, Saint Petersburg, press, history

Статья рассматривает облик Санкт-Петербурга в корреспонденции финских газет на второй половине XIX в. (1860–1890). Корреспонденты описали не только достопримечательности и актуальные события в столице, но рассказали также много о повседневной жизни, нравах и характере русских и других обывателей города. Общий тон статей весьма положительный. Санкт-Петербург описан как город образцовых институтов и общественного порядка.

The article surveys the image of St. Petersburg in the Finnish press during the latter half of the 19th century. The correspondents of Finnish newspapers wrote not only about the remarkable monuments and actual events of the city. They also wrote a lot about everyday life of the citizens, about the mores and the character of the Russians and other nationalities of the capital. The general tone of the articles is quite positive. St. Petersburg is described as a city with exemplary institutions and civic discipline.

Газетное дело и цензура в Финляндии в XIX в.

Первые газеты на шведском и финском языках появились в Финляндии в XVIII в. В немалой степени этому способствовали либеральные принципы правления короля Густава III. Свобода слова была объявлена одной из основополагающих идей Просвещения, которым был так увлечен шведский монарх. Однако на практике объявленная «свобода» оказалась явлением кратковременным [1, p. 45–47].

Развитие газетного дела, особенно финноязычной прессы, происходило в Финляндии мучительно сложно вплоть до второй половины XIX в. В первую очередь мешала цензура, которая во время правления Николая I быстро превратилась в наиболее реакционный орган, существенным образом препятствующий работе прессы. Неслыханно суровым было положение 1850 г., которое позволяло публиковать на финском языке только те тексты, которые имели или религиозное, или экономическое содержание. Иначе говоря, о политике или философии, даже о модных романах в принципе нельзя было вообще писать в газетах на финском языке. Ограничения насчет шведоязычных публикации не были такие суровые, но тем не менее и там цензура была довольно суровой [2, р. 168–178].

Кончина императора Николая I в 1855 г. принесла изменения в климате общественной жизни. Формально положение 1850 г. было опровергнуто в 1860 г. Прочие реформы царствования Александра II также имели в Финляндии весьма большое благоприятное значение. С 1863 г. начинает постоянно работать финляндский сейм, который при содействии императора в скором времени дал целый ряд важных положений, освободивших экономику и общественную жизнь Великого княжества от многочисленных ограничений.

Модернизация общества и культуры шла быстрыми темпами. Чтобы оценить размах новых процессов, достаточно заглянуть и сравнить финские газеты начала 1860-х гг. и конца 1870-х гг. Разница впечатляет. Первые издания отличаются крайне малым количеством страниц, скучным, нередко наивным стилем изложения, практически полным отсутствием объявлений, поздние издания резко увеличивают свой объем, меняется язык статей, он становится интеллигентным и живым, газеты пестрят многочисленной рекламой.

С 1865 по 1867 г. в Великом княжестве формально существовала свобода печати, ибо цензура была полностью отменена законом. Однако императору такое положение дел не понравилось, и цензура была вновь восстановлена. Этот порядок сохранялся вплоть до 1919 г., когда был принят закон о свободе печати в уже независимой Финляндии. Финские сословия попытались несколько раз отменить цензуру, но до получения независимости это не удалось [3, р. 14–15].

Роль цензуры для прессы была во второй половине XIX в. довольно важной. Нередко цензор мог снять с газеты материалы, которые касались разных тем — от обсуждения высших органов управления Великого княжества, политического положения в России, императорской семьи до русского населения Финляндии. Цензоры также отклоняли

любые материалы о самой цензуре, свободе печати, внешней политике, обсуждение языковых и национальных вопросов [4, р. 277–279].

Случаи прямого вмешательства надзорных органов не были столь частыми, но следует полагать, что редакторы газет занимались самоцензурой и не допускали публикаций материалов, которые могли бы лишний раз привлечь внимание цензоров. Судя по всему, роль цензуры была все-таки не очень велика, она представляла собой, скорее всего, пассивную угрозу, где-то там на заднем плане и актуализировалась, главным образом тогда, когда речь заходила о политике. Власть была бюрократическая, но в то же время не отличалась тоталитарностью. Никто не заставлял репортеров и корреспондентов писать исключительно «положительные» статьи, чтобы получить похвалу властей.

Что касается корреспонденции, освещавшей повседневную, бытовую жизнь России, можно с уверенностью утверждать, что влияние цензуры если вообще существовало, то не было значительным. Это видно уже от того, что по одной же теме могли писать как в негативном, так и в положительном ракурсе. Такой темой, например, было обсуждение проблем с чистотой городов России. Финляндская пресса неизменно отмечала чистоту улиц Петербурга, но крайне отрицательно отзывалась о Москве (Keski-Suomi. 26.2.1887; Suometar. 5.7.1864; Helsingin Wiikko-Sanomia. 22.6.1883; Ilmarinen. 22.5.1883). В основном же, петербургские корреспонденты финских газет писали на аполитические темы. Без сомнения, тон статьей зависел от авторов и от объектов обсуждения или критики, но, судя по всему, цензура мало обращала внимания на этот жанр, соответственно и не влияла на него.

Политические вопросы второй половины XIX в.

Первая газета на финском языке вышла уже на XVIII в., но на практике шведский язык преобладал в финских газетах вплоть до конца XIX в. Вся интеллигенция Великого княжества владела шведским языком в XIX в. Хотя императорский манифест 1863 г. установил, что финский язык получает статус официального языка в течение 20 лет, процесс был на самом деле весьма болезненным. Даже старое поколение финноманов, которые получили образование на шведском языке, часто нехорошо владели финским языком. Поэтому некоторые финноманские газеты (Finland, Morgonbladet) выходили на шведском языке [4, р. 322–325].

Финноязычная пресса все же росла постоянно и становилась все более влиятельной. В 1875 г. в Хельсинки был еще маленьким городком,

где доля финноязычных из около 23 000 жителей составляла всего одну четверть. Таким образом, можно понять, что в столичном городе в то время выходила лишь одна газета на финском языке. Сила и резервы финской партии были в провинции, где реально увеличивалась финноязычная интеллигенция благодаря неуклонно расширявшимся народным школам и гимназиям [Ibid., p. 320–334].

Вообще, языковый вопрос, «борьба языков» был на практике главным политическим вопросом в финской прессе в последние десятилетия XIX в. В немалой степени финская партия использовала поддержку центральной власти. Со своей стороны финноманы тоже подчеркивали свои верноподданнические чувства к империи, тогда как шведоязычные круги, особенно т. н. либералы (особенно Helsingfors Dagbladet), были склонны симпатизировать скандинавским странам. В частности, в 1885 г., когда обострились противоречия между Россией и Великобританией, газеты шведоязычных либералов предлагали провозгласить «нейтральность» Финляндии, дабы обезопасить финские судна от британских каперов в случае войны. Это вызвало сердитую реакцию Михаила Каткова — редактора «Московских ведомостей» [5, p. 161–166, 192–209].

Положение Великого княжества в составе Российской империи, в частности существование ее особой конституции, постоянно вызывало нападки со стороны националистической русской печати. По этому вопросу возникла интенсивная полемика, особенно после выхода в 1886 г. книги Лео Мехелина "Precis du droit public du Grande Duché de Finlande". За ней последовала в 1889 г. книга профессора К. Ф. Ордина «Покорение Финляндии», где автор попытался доказать, что у Финляндии не было никакой особой конституции. Полемика по этому вопросу велась в финской и русской прессе десятилетиями, вплоть до обособления Финляндии от Российской империи в 1917 г. С русской стороны особую активность в этом проявляли «Московские ведомости» и петербургское «Новое Время» [Ibid., p. 285–301].

В русской прессе имелись тоже доброжелатели и сторонники Великого княжества, в особенности либеральные газеты и журналы, такие как «Вестник Европы» и «Новости», а также газета «Гражданин» князя Мещерского [Ibid., p. 194–200]. Тем не менее весьма острая, особенно с середины 1880-х гг., «антифинская» кампания в российской прессе имела большое влияние на общий тон финско-русских отношений. Влияние полемики можно иногда заметить и в корреспонденции финских газет, поступавшей из Петербурга, хотя эти письма, как правило, были аполитичны.

Хельсинки и Санкт-Петербург

Рост городов было одним из важнейших явлений социально-экономической истории второй половины XIX в. Санкт-Петербург, где в середине века проживало около полумиллиона жителей, был одним из величайших городов Европы и всего мира. В 1897 г. в Петербурге жило уже не менее 1,2 млн, а в 1910 г. — 2 млн человек. Рост был громадным. То же происходило и в Хельсинки, хотя и в меньшем масштабе. Количество жителей в Хельсинки в 1875 г. было всего 23 000, но в 1900 г. было 79 000, а в 1910 — уже 119 000 человек. В условиях того времени это означало уже категорию «большого города» [6].

В Петербурге XIX в., как известно, жило довольно много иностранцев. В 1897 г. в России жило более 35 000 финляндских уроженцев, половина из них в Санкт-Петербурге [7, с. 67–69].

В Хельсинки же в 1880 г. большинство населения, 22 500 человек, еще говорили по-шведски, поскольку это был их родной язык, 15 000 говорили по-фински и около 4000 — по-русски. Но уже в 1890 г. по-фински и по-шведски говорили около 30 000 человек, т. е. поровну, по-русски — 3600 [8]. Развитие продолжалось в том же направлении, город приобретал все более выраженный финский характер, доля шведоязычных и особенно русскоязычных становилась меньше и меньше.

Помимо перечисленных в переписях русских жителей Хельсинки, в регионе столицы постоянно находилось несколько тысяч русских солдат, главным образом в крепости Свеаборг. В Петербурге также проживало немало финнов, выходцев с Карельского перешейка и Ингерманландии. Все это означало, что этническая группа финнов в Санкт-Петербурге, хотя и не особенно многочисленная, была легко заметна, как одна из коренных составных частей петербургского населения со своими церквами и приходами, школами и газетами. Русские в Хельсинки, хотя тоже являлись небольшой по численности группой, также оставались наглядным фактором городской жизни. Кроме генерал-губернатора и русских солдат, в Хельсинки была русская церковь, состоятельные русские купцы, русский театр. Все это накладывало свою печать на повседневную жизнь города.

Что в Хельсинки, что в Петербурге, и финны, и русские, таким образом, видели друг друга каждый день. Тем не менее некоторая обособленность все время сохранилась. Важным фактором было то, что в Финляндии в это время лишь ограниченное число людей знали русский язык. Эта особенность была одной из любимых тем националистической газеты «Московские ведомости» в ее материалах о Финляндии.

Оказалось, что даже финские чиновники не знали русского языка, и обслуживание на русском языке было очень затруднено в Финляндии (см., напр., статьи Веры Желиховской в 10 и 26 августа и 5, 17 и 25 сентября 1893 г.).

Проблема межнациональных трений весьма обострилась с завершением строительства железной дороги Санкт-Петербург — Риихимяки в 1870 г., которая соединила имперскую столицу со столицей Великого княжества. С одной стороны, появление железнодорожного сообщения облегчало переселение русских дачников на Карельский перешеек, стимулировало покупку новых участков под строительство и аренду готовых дач жителями Петербурга, но, с другой стороны, возникла необходимость частого пересечения границ империи и Великого княжества, с неизбежными проблемами таможенных правил и тарифов, что не всегда способствовало взаимопониманию дачников и официальных лиц (о дачниках см.: [9]).

Короче говоря, оценивая корреспонденцию финских газет во второй половине XIX в. о Санкт-Петербурге, мы должны учитывать несколько факторов современной жизни, которые связаны с быстро меняющимся положением дел в отношениях русских и финнов. На самом деле это было время очень быстрых перемен, когда все элементы даже повседневной жизни изменились. Такими факторами были рост больших городов, улучшение сообщения между Петербургом и Хельсинки, развитие экономики и торговли, развитие и рост финской и в особенности финноязычной публики и газет, развитие и рост печати и в России, и в Финляндии, возникновение политического напряжения в финско-русских отношениях и т. д. Принято считать, что само «общественное мнение» было новым явлением и родилось и в России, и в Финляндии именно в изучаемый нами период [5, р. 4–8].

Изучаемый материал

Важным явлением времени стало развитие туризма как туризма в большие города и туризма как увлечения средних классов. Как явление времени можно также считать и появление новых газетных жанров, в частности фельетона. Корреспонденты финских газет часто становились туристами, которые рассказывали отечественной публике о новых чудесах современного мира, которые можно было встретить именно в больших городах: о трамваях, электрическом освещении, выставках, театрах, балете и прочих достопримечательностях больших городов. В 1860-е — 1880-е гг. корреспондент финской газеты за рубежом был

редкость, но в начале 1890-х гг. корреспонденты некоторых больших финских газет побывали во многих городах мира: в Париже, Лондоне, Берлине и Нью-Йорке [4, р. 374, 579]. Корреспонденцию из Петербурга следует рассматривать в контексте подобных материалов. Например, в больших газетах типа *Helsingfors Dagbladet* и *Hufvudstadsbladet* можно было в изучаемый период довольно регулярно читать новости о репертуаре парижских театров и фельетоны о жизни города, одновременно финноязычные газеты того времени часто публиковали письма из Парижа.

Нередко корреспонденты были людьми, которые длительное время проживали в своем городе. Народная школа быстро распространила грамотность среди всех слоев финского населения, где уже давно долгом каждого, как истинного христианина, стало умение читать. Лютеранская церковь уже с XVI в. активно занималась обучением населения грамоте, хотя и с переменным успехом. Самостоятельное изучение Библии должно было быть доступно каждому лютеранину, и поэтому Новый Завет была издан на финском языке в 1548 г., а вся Библия — в 1642 г.

Грамотность крестьянского населения нередко все-таки осталась довольно незначительной до середины XIX в., когда начались серьезные изменения в лучшую сторону в народном образовании. Особенно большое значение в этом имела народная школа, принципы которой были сформулированы бывшим пастором Санкт-Петербургского финского прихода Уно Сигнеусом. Народные школы нового типа начинали основывать в 1860-е гг., и в скором времени они стали очень популярными. Таким образом, грамотность народных масс стала почти всеобщей уже до конца второй половины XIX в. Поэтому стало возможным, что иногда корреспондентами газет были рабочие и даже крестьяне.

Как и следовало ожидать, во второй половине XIX в. финские газеты писали постоянно о России. Значительную часть этих материалов составляли новости, которые касались вопросов большой политики, отношений Великого княжества с империей и просто интересные новости дня. Общий комплекс этого материала можно подобрать в дигитальном архиве финской прессы методом «смутного» поиска. Но наше исследование построено на комплексе подобранного вручную материала.

Изучаемый нами материал можно найти в Интернете [10]. Там список состоит из 774 корреспонденций («путевых писем») из Санкт-Петербурга. Гиперлинк дает полный текст каждой газеты, которая содержит такой материал. Список сделан на основе картотеки, и собранный материал можно получить с XVIII в. до конца 1890 г. Материал, который собран «вручную», очень релевантный, и главных недостатков

машинного «смутного» поиска можно избежать, используя именно этот способ.

С другой стороны, надо заметить, что кроме этих категорий за период 1771–1890 гг. собраны и списки других материалов, касающихся России. Например, в дигитальном архиве есть и «путевые письма» из России (397 штук), из Прибалтийских провинций, Ингерманландии и Русской Карелии (808 штук). Помимо этого, есть и довольно большая категория «Финны за рубежом», где есть раздел «Финно-и шведоязычное население в Санкт-Петербурге» (378 штук) и еще несколько других, довольно маленьких списков о финнах в России и финско-российских отношениях. Особенно важен список статей под названием «Финляндский вопрос» (1251 штука).

Само собой разумеется, что в других категориях тоже есть много интересного и релевантного материала. В данной статье все-таки интерес автора сосредоточивается на вопросе: «Каким был образ Санкт-Петербурга в корреспонденции финской (финляндской) прессы за 1860–1890 гг.?».

Поэтому упомянутый другой материал в данной статье систематически не изучался. Материал о Москве и письма из Парижа были изучены лишь для сравнения.

Примечательно сравнение объема корреспонденции из других больших городов с материалом, который касался Петербурга. Корреспонденции «из Франции», в основном из Парижа, публиковали в тот же период значительно больше — 1861 публикация. Это отражает тот факт, что Франция в то время была одной из главных великих держав, и Париж во многом был чуть ли не главным мировым центром. Из Америки таких писем опубликовано только 971. Это несколько удивительно, но отражает тот факт, что массовая финская эмиграция в Америку только началось позднее, в 1890-е гг. Из Великобритании таких писем всего 558, хотя связь с Англией давно была тесная. Из Германии, не только из Берлина, но из многих иных местностей страны, таких писем было 1307 штук. Как и следовало ожидать, из Швеции подобных писем было больше всех — 3926 штук. Это, без сомнения, отражает культурную близость финской интеллигенции к Швеции, язык которой был понятен всем. Швеция, как и Норвегия и Дания, в то время тоже были «великими державами» в области культуры. Стриндберг, Ибсен, Бьернсон, Брандес и многие другие пользовались в Финляндии и по всей Европе очень высокой популярностью в кругах интеллигенции.

Надо отметить, что выше совсем не упомянут материал о финнах за рубежом, не говоря о новостях, связанных с пребыванием финнов за границей.

По приведенным цифрам нельзя точно сравнивать внимание, уделяемое разным странам и городам. Тем не менее они дают возможность в общих чертах оценить степень внимания, которое было уделено Санкт-Петербургу. Нельзя сказать, что оно было незначительным, но не самым большим. Говоря о Петербурге в качестве большого города (а не в качестве центра администрации, политики и т. п.), мы никак не можем считать его главным центром внимания финских газет. Он вызвал постоянный и довольно оживленный интерес, но взгляд финской прессы все-таки остался ориентированным на Запад, особенно Швецию и Францию. Вероятно, языковой и культурный барьеры играли здесь значительную роль.

Общий вид города, достопримечательности, юбилей

Масштабы Петербурга впечатляли всех авторов. Мировой метрополь Петербург был «новый мир» для такого человека, который до встречи с ним бывал только в маленьких столицах скандинавских стран, писал корреспондент Туркусской газеты (ÅU. 1871. 493)¹. Одна только Нева представлялась могущественной рекой, подобной которой в европейских городах не встречалось (OWS. 1871. 462). Здание Главного штаба представлялось самым монументальным в мире (OWS. 1871. 464). Огромные мосты, Зимний дворец, Исаакиевский собор, разумеется, производили впечатление на туристов, и тот, кто посетил город как турист, в обязательном порядке описывал их своим читателям. Инженерный замок, церковь Петропавловской крепости, Летний сад, Казанский собор и другие достопримечательности описывались в газетах с удивительным постоянством (WS. 1888. 142; PU. 1888. 144; WS. 1888. 154; Laatokka. 1890. 311; Nämäläinen. 1878. 318; Kaiku. 1878. 340; ÖF. 1879 и т. д.). Масштабы зданий и сооружений поражали. Даже жилые дома Петербурга были столь огромны, что в одном таком, казалось, могло проживать целиком все население маленького финского городка (Kaiku. 1878. 340).

К Невскому проспекту просматривалось особое отношение: «Кто бы уже ребенком не старался себе представить эту улицу 1001 ночей?» — задавал риторический вопрос один из авторов газеты города Турку. Огромное удовольствие можно было получить только лишь от одних наблюдений за жизнью улиц (ÅT. 1886. 601). Само собой разумеется, здесь было постоянное интенсивное движение во всем его разнообразии. Пестрота поражала — роскошные ландо лиц, явно принадлежавших к высшему

¹ Цифра после названия газеты и года выпуска указывает место в списке "Matkakirjeitä eri maista>Pietarista".

свету, соседствовали с крестьянскими таратайками и телегами. Район Садовой–Невского носил именно европейскую печать, но в то же время в магазинах можно было купить как изделия, соответствующие самой последней парижской моде, так и простые русские продукты [9, р. 318].

Невиданная пестрота была и в петербургском трактире. Здесь сидели бок о бок мужики в тряпье и обносках, чиновники в потрепанных мундирах, читавшие газеты, бабы с детьми брали суп, купцы пили чай, а «святые отцы» — попы налегали на водку. Иногда начинали петь, потом дрались, но вскоре мирились и целовались. Удивило автора и то, что никто другому не мешал, и не было «такого грубого дебоша, как у нас» [Hämäläinen. 1883, 664].

Посещавшие Петербург знали, что численность населения столицы империи составляет 1 млн, что есть половина всего населения Финляндии (RL. 1883. 695). Тень величественности Санкт-Петербурга казалась угрожающей. В 1883 г., еще до обострения антифинской полемики в русской прессе, обозреватель газеты “Hämäläinen” писал следующее: «Купол храма блестит чистым золотом. Золото, золото, везде только чистое золото! Если вспомнить, что Москва еще более богата, чем Петербург, если вспомнить, какие безграничные богатства лежат в недрах России, во многочисленных его монастырях, ее огромных заводах и ее плодородных землях, когда еще увидишь ее бесконечные казармы и доблестные полки, нельзя не удивиться той могущественности, которой владеет Россия».

Но, продолжает автор, если хочется радоваться этим огромным богатствам и этой удивительной красоте, что сотворили здесь прилежность и ум человека, надо все-таки сказать, что у финна, который понял огромную силу России, болит сердце, и он должен поневоле стонать: «Эх, ты, девушка Финляндия, сейчас ты в руках такого жениха, который и хочет и может обнимать тебя до смерти!» Что у России были такие намерения, автор понял по материалам русских газет. Они же об этом писали почти ежедневно. Правда, у Финляндии была своя конституция, и слово императора было еще свято. Но все может измениться, и Россия ведь уже не та, кем была еще несколько десятилетий назад [Hämäläinen. 1883, 664].

Санкт-Петербург было городом бесконечных развлечений. Так было во всех крупных городах, но Петербург выделялся особо. Развлечения были бесконечные (ÖF. 1888. 161), царила настоящая лихорадка веселья (HDBL. 1868. 221). На самом же деле Петербург пробуждался только ночью. Сеансы в театрах начинались в 8, 9 или 10 часов вечера и заканчивались после полуночи. Балы начинались в полночь. После этого шли по ресторанам, потом отправлялись за город к цыганам.

Люди, конечно, работали, но рабочий день начинался только в полдень, и это касалось низших чинов. Высшие приходили в свои конторы еще позднее (ÅТ. 1884. 397).

В Петербурге были фестивальные сезоны, такие как «Петербургские ночи», которые отмечали зимой (WBL. 1889. 270). Самые главные были масленица и Пасха. Масленицу финские газеты описывали постоянно, но картина во всех описаниях осталась более или менее одинаковой. Очевидно, что увиденное каждый раз очень сильно поражало финнов, которые не видели ничего подобного у себя дома или в других странах. Иногда масленицу сравнивали с ночью в Неаполе или Боспори (Kotka. 1889. 241). Иногда говорили о «сумасшедшей неделе» (ÖF. 1886. 737). Было на что посмотреть: горки, карусели, балаганы. Повсеместно продавали блины, разнообразные напитки, играла музыка. На Марсовом поле предлагалось огромное количество всяких развлечений, а на невском льду иногда возводили настоящий ледяной дворец.

Особым явлением масленицы были финские «вейки», на которых приезжали крестьяне с Карельского перешейка, чтобы дать петербуржцам прокатиться в этих санях. Иногда их насчитывалось от 6000 до 8000 штук (ÖF. 1886. 737). Кажется, что вейки считали более или менее комическим развлечением. Будто бы «крестьяне из Персейняйоки» (символизирует глухое местечко) приехали в большой город (VBL. 1888. 146). В довольно ироническом свете писали о них и финские газеты. «Або Тиднинг» писал о «грубых чертах» (буквально «топором вытесанных лиц») «вейков», которые не знали города и не отличали правой стороны от левой. Но они были популярны, потому что кататься в санях было очень дешево — очевидно, они тоже не поняли ценности денег. Вейки были честные, но не всегда достаточно умные. Иногда случалось, что они теряли своих лошадей, когда соглашались на предложения отдельных нечестных клиентов пойти отдохнуть, пока клиенты самостоятельно будут кататься по городу (HDBL. 1875. 648; 1883. 704).

О Пасхе тоже имеется множество публикаций, где авторы каждый раз удивляются обычаю христосоваться (ÅТ. 1883. 163). Иногда отмечались отдельные случаи разгула, когда русский крестьянин мог выпить столько водки, сколько хватило бы на целый год за обедом (K-S. 1888. 761).

В летнее время также хватало развлечений. Вообще, обитатели Петербурга вели светский образ жизни круглый год, даже на дачах, куда они направлялись весной большими караванами. Летом тысячи петербуржцев любили ездить поездом на «вокзал» (Vauxhall) в Павловск

(ÅТ. 1886. 604). Там финн чувствовал себя, «как крестьянин из Соткамо на ярмарке Каяни» (ÅТ. 1886. 606). В Дворянском собрании в Петербурге часто организовывали маскарады, где могли участвовать как и знатные, так и «обычные» люди (ÅТ. 1883. 709).

При дворе, конечно, постоянно проводились императорские грандиозные балы, и иногда финские посетители писали свои отчеты и о них. В Зимнем дворце на таком балу присутствовало не менее 3000 посетителей (US. 1884. 378). Грандиозные празднества устраивались и в честь георгиевских кавалеров, о которых также имел возможность поведать финский корреспондент (IImarinen. 1885. 383).

Да и самого императора финны встречали часто. Он всегда присутствовал на маневрах в Красном Селе, где финская гвардия нередко выигрывала призы по стрельбе. Вообще в газетах часто писали о лагерной жизни в Красном Селе и успехах там финнов (HDBL. 1874. 638; IImarinen. 1882. 486; ÅТ. 1884. 391; WBL. 1885. 486; ÅТ. 1883. 712; US. 1883. 717; 1883. 718; 1883. 720). Кстати, один финн из охраны императора делился с газетой своими воспоминаниями, где он удивлялся простоте членов императорской фамилии и спартанскому образу жизни молодых великих князей. Все они были чрезвычайно любезные люди и старались немножко разговаривать с ним по-фински (US. 1883. 715).

Городские учреждения, порядок

В большом городе существовали такие учреждения, которых не было в маленьком еще Хельсинки XIX в. Например, конки, которые перевозили до 100 пассажиров. Для них на улице были проложены рельсы (SanTamp. 1866). В 1884 г. газеты сообщали, что на Литейном мосту появилось электрическое освещение, и по сравнению с ним газовые лампочки сразу стали казаться совсем бледными (HDBL. 1884. 102; Folkvännén. 1884. 733).

По широкому Невскому проспекту проносились дрожки, особенно тройки. Но только зимой Петербург показывал свое настоящее лицо. Без троек Петербург уже не был бы Петербургом. Самым удобным местом для наблюдения за уличным движением был угол Невского проспекта и Большой Морской улицы около 3 часов дня. Было трудно определить, чем надлежит любоваться более — красивыми лошадьми или искусством возниц. Замечательно было то, что, несмотря на количество лошадей и скорость езды, безопасность была гораздо лучше, чем в Хельсинки (HBL. 1887. 743).

Обилие публики и интенсивное уличное движение присутствовало и в других больших городах, писал корреспондент Выборгской газеты *Östra Finland*. Тем не менее улицы Петербурга удивляли и его. Ему не понравилась атмосфера Невского проспекта, и он там не почувствовал духа парижских бульваров. Но в одном смысле Петербург был примечателен и находился на особом уровне: порядок был образцовым. Когда полицейский подавал знак рукой, бородатый извозчик княгини был вынужден останавливаться и уступать дорогу паре оборванных бродяг (*ÖF*. 1887. 767). Эта оценка важна тем, что автор, который побывал и в других больших городах, не особенно любил Петербург и считал в своей статье, что теневые стороны там «почти преобладают».

Общественный порядок Петербурга восхвалялся многими обозревателями. Когда великий князь Павел и принцесса Греции венчались, огромные массы людей на Невском проспекте вели себя очень добропорядочно. Полицейские и жандармы были вежливы и корректны со всеми, но особое впечатление производила на обозревателя *Hufvudstadsbladet* общая воспитанность питерской публики. Все были взаимно вежливы друг с другом, извинялись, когда надо было, дурного слова не было слышно совсем. Действительно, питерская публика могла в этом отношении быть образцом для всех западноевропейских народов (*HBL*. 1889. 180)! Отличный порядок заметил и корреспондент *Imaginen* в 1883 г. (*Imarinen*. 1883. 666).

В 1883 г. обозреватель *Hufvudstadsbladet* всячески хвалил зимние улицы Петербурга и сравнивал их с улицами Хельсинки. Петербург был во всяком отношении лучше. В Питере не было высоких снежных заносов на улице — их убирали многочисленные рабочие. Тротуары в Петербурге были не скользкими, как в Хельсинки. Снег размораживали кипящей водой и потом посыпали песком. Конки в Петербурге были чистые и уютные, а зимой, когда было холодно, на Невском проспекте разводили многочисленные костры, у которых люди могли погреться. Новинкой были прозрачные, многоцветные рекламные колонны, которые освещались изнутри газом (*HBL*. 1883. 676).

Вообще, у читателя финских газет могло сложиться впечатление, что все, что касалось работы городских служб, в Хельсинки организовано плохо, а в Петербурге хорошо. Это касалось даже больниц, как писал корреспондент *Folkvännen*. Больницу для финнов было найти совсем несложно, и, кстати, в Питере можно было всегда спросить дорогу. Жители российской столицы всегда охотно и вежливо помогали и, в отличие от шведов и финнов, никогда не смеялись над странным произношением иностранца. В Финляндии люди часто

боялись больницы. В Петербурге это было излишне, в больнице можно получить обиход и пищу лучше, чем дома.

Визит в больницу Марии Магдалены около Тучкова моста на Васильевском острове поражал. «Порядок, чистота, уют царят везде». Пациент получает мясо, белый хлеб, бульон и молоко сколько хочет. Все отлично, он говорит. Только бы поменьше народа в комнате. Корреспондент попробовал бульон: «Действительно, вкусно!» В таких розовых красках описывал Петербург корреспондент народной просветительной газеты *Folkvännern*. Правда, в той же статье он заметил, что петербуржцы могут заставить неопытную «чужну» за всякие услуги платить больше, чем было бы нормально (*Folkvännern*. 1884. 735).

В Петербурге даже тюрьмы были образцовые. Пища была там хорошая, лучше, чем у многих дома. Финских арестантов в Петербурге было в среднем 74 человек в год. У них было богослужение каждую вторую неделю на финском языке (*FAT*. 1867. 217).

В Петербурге даже дрались порядочно. В Кронштадте масленица в 1869 г. кончилась массовым побоищем, в котором участвовало несколько тысяч солдат. Но они дрались друг с другом, грабежей не было, и вообще посторонних не вмешивали (*US*. 1869. 431).

Положительной была и общая картина в отношении петербургского чиновничества, в 1870 г. *Hufvudstadsbladet* особо хвалил хорошее поведение русских чиновников при таможенном осмотре выставочных экспонатов (*HBL*. 1870. 442).

Иногда все-таки находились и поводы для упреков. Так, например, в 1887 г. корреспондент *Uusi Suometar* жаловался на бюрократизм таможенников, которые держали финнов часами на таможнях Кронштадта по каким-то мелочным причинам (*US*. 1887. 754; см. также: *Wasa Tidning*. 1887. 774).

Русский человек, отношение к другим народам и общественным классам

Корреспондент *Nämäläinen*, который в 1883 г. был поражен огромными ресурсами и богатством России, считал, что русский человек «по своей природе более подвижный и более умный и находчивый, чем финн. До того что Матти сделает один поворот, Иван уже десять раз поставил его в мешок. Иван работает более быстро и справится с меньшим харчом. Если еще добавить сюда коварную натуру, можно увидеть, что финн не может держаться в борьбе с ним».

Русские с удовольствием помогают финнам против шведов, но более близкое сожительство с русскими означает «гибель финской расы», считал автор, которому цензура не помешала писать такие политически довольно неделикатные вещи (Hämäläinen. 1883. 664).

Корреспондент либеральной газеты Helsingfors Dagblad описывал русских, как добродушных, мирных и порядочных людей. Даже в трактирах они вели себя спокойно и без шума. Этому, наверное, содействовало то, что они пили в огромном количестве чай, который, кстати, очень вкусный. Один раз корреспондент был шведом из Швеции, и он сравнивал все виденное со своей родиной. Его очень поразил свободный, но тем самым очаровательный стиль общения. В Швеции люди все время занимали себя вопросами «что можно?» и «что нельзя?». В России человек был самим собой, но в то же время не менее "comme il faut". В каком-то особом смысле Россия была «одна из самых демократических стран мира», констатировал шведский корреспондент (HDBL. 1871. 468). Сангвинизм русского характера выражался в театрах бурными аплодисментами, которые финскому гостю казались чрезмерными. Русский темперамент можно было видеть и на улице: оскорбленный драматург напал на журналиста на Невском проспекте, и они начали фехтовать на тросточках, пока полицейский не отправил их в участок. Автор считал, что случай очень характерен для Петербурга и мог произойти только там (NP. 1884. 135).

В общем, русский человек имел настоящую «широкую натуру». По крайней мере так в фельетоне хельсинкской газеты описывался русский приятель автора статьи. Его звали Клим Климыч или «дядя Клим». Он был чиновником, но автору не было понятно, чем он занимался. Он «служил», и это, по-видимому, не значило, что он работал. Когда он хотел проводить финского друга в Петергоф, он взял себе пару выходных дней, закончив некоторое количество своих дел досрочно, очевидно, что он их не читал или читал очень поверхностно. Клим Климыч был очень спокойный человек, которому совсем не мешал тот факт, что леса вокруг Петербурга горели. Если горит, значит, так и надо (HDBL. 1885. 655)!

Финны тоже были поражены той близостью, которая в Петербурге была между классами общества. Корреспондент газеты Sanomia Turusta писал в 1879 г., что в Петербурге были знатные люди и люди высшего класса, но разницу между сословиями здесь «не учитывают так, как в Финляндии». Это «можно было видеть везде» (ST. 1879). Это было видно и в том, что полковник мог в ресторане позволить себе шутить с официантом (ÅT. 1886. 601).

Финские корреспонденты несколько раз отметили «свободное» поведение русских. Так, получить приглашение в русский дом было нетрудно. Гостеприимство русских славилось во всем мире (*Wasa Tidning*. 1887. 774; *HDBL*. 1871. 468).

Полной экзотикой для финнов представлялось всеобщее целование в пасхальную ночь, несмотря на класс, пол или возраст. Финский корреспондент не забыл подчеркнуть, что ничего подозрительного в этом красивом ритуале не было (*ÅT*. 1883. 701). Тогда и хозяева целовали своих слуг, и даже император своих православных караульных (*ÅT*. 1883. 701; *US*. 1883. 715).

Совсем особо шла речь о русских женщинах. Женщина в России тоже вела себя «свободно». Это могло иметь и плохие последствия. Например, нигилистам удалось завлечь в свои ряды русскую женщину, «которая, вообще говоря, стоит выше мужчины», констатировал корреспондент *Åbo Underrättelser* в роковом 1881 г. (*ÅU*. 1881. 503). В другой статье подчеркивали, что русские женщины были намного умнее мужчин (*ÅT*. 7.9.1886). Женщина могла даже проявить инициативу и познакомиться с мужчиной (*ÅT*. 1875. 603). Неожиданностью стало для финского корреспондента и то, что немолодая русская женщина на пароходе спросила у него папиросу. Многие русские женщины курили (*ÅT*. 1883. 713). Замечательно было то, что русские девушки могли посещать своих знакомых мужского пола без сопровождающего лица (*ÅU*. 1881. 503). Совсем очарован был корреспондент *Åbo Tidning*, которого русская девушка остановила на улице и начала с ним разговор о газете. Потом она сказала, что сразу узнала финна по застенчивости. Кстати, у нее и ее подруг было общество, которое ставило себе задачу освободить финнов от их замкнутости. Они стали ходить вместе и гуляли вплоть до Озерков. «Никогда я не имел более чудесной экскурсии. Ее я не забуду никогда благодаря моей спутнице, или вернее русской женщине, такой, какой она была» (*ÅT*. 7.9.1886). Другой обозреватель подвел итоги: «Русские дамы одеваются со вкусом, ведут себя со вкусом, разговаривают со вкусом, танцуют со вкусом, у них маленькие ручки и маленькие ноги, они дружелюбны, открыты и остроумны, словом, у них присутствуют все те добродетели, которыми прекрасный пол украшает жизненный путь, словно розами» (*HDBL*. 1880. 356).

Что касается общественных классов и типов, в Питере можно было встретить совсем особые виды таковых. Одним из таких был помещик, приехавший в Петербург для ведения дела в суде. Его описывали довольно негативно, что было связано со взяточничеством и со «связями», которые в Петербурге были необходимы везде (*HDBL*. 1882. 526;

WT. 1877. 71). В России также имелись и купцы, у которых не было почти никакого имущества, уже не говоря об умении читать и писать (*Sanomia Turusta*. 22.11.1867). Но торговаться с ним было легко, можно было предлагать одну четверть из того, что он требовал и еще грубо при этом его ругать — и это его совсем не раздражало. В общем, с русскими можно было общаться в хорошем духе. Даже мальчишки на улицах были вежливыми и симпатичными (HBL. 1889. 175). Главным пороком русских была нечестность. В трактире следовало держать руку на бумажнике (*Hämäläinen*. 1883. 664). Несимпатичной русской чертой для финнов была «бесконечная система выпрашивания». Другой — заискивание перед богатыми (HBL. 1887. 748). Чаевые ожидали повсюду, и финский обозреватель считал это тоже «выпрашиванием» (HBL. 1883. 679; *ÅU*. 1990. 511). Чаевые все-таки не всегда спасали человека от бдительного таможенника (*ÅT*. 1886. 616).

Русских, в целом, описывали, как добрых людей. Например, известна была всем их любовь к животным. Животных назвали всякими ласковыми именами (RL. 1883. 695). Отношения русских с другими народами все-таки не всегда были хорошими. Татар ценили, так как они были сильными и трезвыми. Почти все они, кстати, считали себя потомками князей (HBL. 1889. 198). Немцев в Петербурге было много, и их считали честными работниками. Но в последние годы на них стали негодовать, что, по-видимому, было связано с внешнеполитическими делами (*ÖF*. 1886. 728; HBL. 1889. 257). Немцы со своей стороны презирали русских (*Lapteenrannan Uutiset*. 1888. 136).

Что касается финнов, читатели финских газет, которые знали о нападках российской прессы, ожидали, что к ним в России относятся дурно. Такого все-таки отмечалось совсем мало. Вместе с немцами в Петербурге считали, что финны особенно честны (WT. 1877. 72).

На самом же деле к финнам, как правило, относились вовсе хорошо. Например, те же многочисленные дачники, которые ежегодно приезжали на Карельский перешеек в летнее время, имели самые положительные воспоминания оттуда (*Savo*. 1890. 520). Петербургские дачники со своей стороны были очень популярны среди местных жителей на перешейке, ибо они покупали у крестьян разные вещи и с удовольствием участвовали во многих местных праздниках, свадьбах и т. д., щедро жертвовали деньги на различные нужды (*Oulun Lehti*. 1886. 594). На самом же деле русские очень мало интересовались «финляндским вопросом», и широкая публика, даже студенты, совсем не знала об этом или знала «удивительно мало» о Финляндии вообще (*ÅU*. 1990. 511).

В Финляндии полагали, что особенно русская военщина не любила Финляндию. Но финский георгиевский кавальер на празднике Дня

св. Георгия встречал только симпатию и уважение (Ilmarinen. 1885. 383). Во время финского голода в 1868 г. в Петербурге организовали лотерею для пострадавших финнов (HBDL. 1868. 221). Вообще казалось, что среди русских сложно найти в значительном количестве людей, враждебно настроенных к финнам, таковых имелись единицы, хотя русские газеты нередко зло отзывались на финские темы (ÖF. 1877. 82; NP. 1884. 124; 1884. 138; PU. 1888. 144). Один автор предполагал, что настоящие финноведы вовсе не были собственно русскими, а русифицированными немцами. Собственно русские относились к финнам гораздо лучше. Они считали, что финны были честны, гостеприимны и добродушны, лишь немного противопоставляли себе все русское, «но это можно понимать по историческим причинам, скажет русский, который всегда вежлив». Да, сангвинный русский всегда вежлив, говорлив и социален. В отличие от жителей Финляндии с ним можно всегда болтать и шутить даже тогда, когда с ним лично не знаком (HDBL. 1880. 356).

Некоторые русские туристы со своей стороны писали о финнах уважительно, как отметили финские газеты. Финны были честны и порядочны, соблюдали чистоту. Но особенно замечательно было их самоуважение, чувство собственного достоинства: финн не оказывал никакого особого почтения образованному господину, но выполнял без ворчания все законные требования государства. Даже обычный крестьянин не позволял кому-то оскорблять себя безнаказанно. Он искал и получал удовлетворение в суде по закону (SVL. 23.4.1872). Русский купец, который долго жил в Финляндии, сказал русскому туристу, что финны на самом деле народ неплохой. Только надо отвечать им той же монетой. Они — народ хороший тем, что никогда не обманывают. Но они очень жесткие и хотят все делать по-своему. Это черта характера вытекает от гордости. Какой-нибудь русский офицер может сказать финну: «Смотри, я господин!» Но тот отвечает: «Я сам господин. У нас все господа!». В Финляндии действительно царствует особый вид равенства: пощечина стоит 75 копеек независимо от положения человека, кто ее дал и кому ее дали. И финские суды были беспартийные и справедливые (HDBL. 3.11.1865).

Газеты, конечно, много писали тоже о финнах Петербурга. О клубах, школах, приходах было что писать. В финском приходе в 1888 г. состояло более 20 000 человек (WS. 1888. 142), в шведском их было 6429 уже в 1865 г. (HDBL. 1865. 182). Многие финны в Петербурге жили хорошо и порядочно, но иногда было стыдно за их пьянство (WS. 1889. 275; Folkvännen. 1884. 94). Так было, например, когда 200 финских юношей поехали поездом в Выборг для призыва (WS. 1889. 275).

Некоторых корреспондентов тревожило то, что финны в Петербурге стеснялись своей финскости и употребляли скорее шведский, нежели финский язык или старались говорить по-русски (Ilmarinen. 1887. 535). Некоторые действительно обрусели (WT. 1884. 379).

Считалось, что большой город был опасным местом для девушек. Им угрожала судьба проститутки, и об этом газеты часто упоминали. Но там была и опасность другого вида. Простая девушка из финской глубинки могла в Петербурге потерять реальное понимание своего положения. Об этом свидетельствовал случай, когда одна девушка купила себе парасоль и ходила с ним с утра до вечера (US. 1887. 754).

Выводы: образ Санкт-Петербурга в финской прессе в 1860–1890 гг.

Известный финский писатель, журналист, поныне живой классик финской литературы Юхани Ахо описал Петербург в 1891 г. как «чужой» и «огромный» город, который прежде всего страшил, хотя и очаровывал своей «чуждостью». В Петербурге были все прелести больших городов того времени, но все-таки он не особенно привлекал представителя финской интеллигенции. Город сам собой был поразительным, он отличался масштабностью, пестротой, богатством и силой. Там было чем наслаждаться, люди были добры и импульсивны, веселы и незлы. Облик города был очень национально-русским, он так и остался для финна до конца непонятным, хотя одежда, продукты, даже тексты на вывесках были во многом европейскими. Представитель финской интеллигенции входил в Петербург неохотно, тогда как простолюдины из Восточной Финляндии чувствовали себя там, как дома. Главной проблемой Петербурга для финской интеллигенции, по-видимому, была его угрожающая сила. На фоне газетной полемики русской националистической прессы против привилегий Великого княжества вся сила и блеск города пробуждали в финском интеллектуале скорее страх, чем восхищение (Päivälehti. 29.9.1891; 1.10.1891).

Юхани Ахо хорошо знал великие города. До своего визита в Петербург он уже провел один год в Париже и много ездил по Европе. Париж действительно был любимым городом финской интеллигенции того времени, и все знаменитые деятели культуры посещали его.

Если говорить о Петербурге, то Ахо все-таки не был совсем типичным представителем тех корреспондентов, которые писали о Петербурге в финской прессе конца XIX в. Последние, правда, представляли из себя весьма пеструю публику, там были и такие, кто проезжал

Петербург мимоходом и получал, соответственно, только туристические впечатления. К таким, кстати, более-менее можно отнести и самого Ахо. Но многие корреспонденты финских газет тех лет все-таки были такими, кто провел в Петербурге значительное время, и даже годами жил там (см., напр.: WT. 27.1.1877). Такие корреспонденты часто писали о Петербурге «как о своем» и описывали театральные сезоны, жизнь финской колонии, местные проблемы с водой и электричеством, новый полицейский порядок и прочие местные новости. Немало публиковалось и фельетонов, где авторы демонстрировали свои литературные амбиции. В них Петербург представлял определенный колорит и некоторую экзотику.

В целом, в корреспонденции финской печати Петербург, как большой город, был прежде всего чудным явлением соседней страны — обособленность Великого княжества от метрополии все время представлялась очень ярко. Но главное — Петербург был положительным явлением. Как известно, рост больших городов во второй половине XIX в. рассматривался многими обозревателями, как угроза старой культуре и образу жизни. Большой город — это капитализм, это возникновение отчужденного пролетариата, это раздробление старой «органичной» формы жизни. Противоположность Москва–Петербург в России в какой-то мере тоже отражала эту проблематику, хотя Москва также была большим городом. Тем не менее Петербург считался особенно ярким примером нового рационального урбанизма [11, с. 70–78].

Критики больших городов тоже видели в них культурную опасность — разложение нравов, и даже предупреждали о вырождении человеческой расы. Ненормальный ритм жизни, бесконечное нервное напряжение были причинами истерии и нервозности, считали врачи в эпоху перемены веков. Алкоголизм, наркотики, пауперизм, проституция вовсе ни были пороками нового образа жизни, которые обсуждались литераторами того времени. То же происходило и в Финляндии, но, главным образом, эти темы вошли в моду несколько позднее — на стыке XIX и XX вв.

Что касается корреспонденций финской прессы о Петербурге с 1860-х до 1880-х гг., то в них образ Петербурга не представлялся пугалом. Да, в них показывались опасности большого города для девушек, нередко описывались тяжелая жизнь мальчиков, серьезные различия между бедными и богатыми. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что общий образ Санкт-Петербурга в этих статьях остался положительным. В новом образе жизни большого города тогда еще не видели всеобщей моральной или культурной угрозы для русских и, тем более, для финнов. Скорее всего, авторы статей знакомили

читателей с образцовым и передовым городом, где институты повседневной жизни были установлены лучше, чем в маленьком Хельсинки. В общем, некоторая экзотика, особенно то, что было связано с праздниками православной церкви и императорского двора, судя по всему, пробуждало только положительное удивление.

На государственном уровне Петербург был городом любимого и уважаемого императора. Его всегда описывали очень уважительно, а его врагов, нигилистов и террористов, упоминали с ужасом и крайним негодованием. С другой стороны, не забывали и того, что в Петербурге выходили пресловутая газета «Новое время» и другие антифинские газеты, но в рассматриваемых здесь статьях этот факт, в общем, остался в какой-то степени абстрактным. Люди в Петербурге не говорили о Финляндии и финнах так, как газеты писали о них.

Образ русского человека на страницах финской прессы тех лет рисуется довольно однозначно. Он очень симпатичный, порядочный, общительный. Вместе с тем он умный, находчивый, беспечный, при общении неформальный, иногда буйный, но и тогда дружный, без злости к окружающим. У него, конечно, иногда могут быть и пороки, в частности склонность к обману в торговле, привычка просить везде «чаевых», склонность к взяткам, к раболепству перед богатыми и знатными.

Последняя черта характера будто бы противоречит тому, что русское общество, где нищета и богатство существовали рядом, в то же время было, как заверяли, каким-то образом очень «демократичным». Это выражалось в том, что люди из разных общественных классов очень свободно общались друг с другом. Было очевидно, что отношения между общественными классами в каком-то смысле были там более близкими, нежели в Финляндии. Такое утверждение обязательно вызывало удивление, так как в Финляндии, например, крестьяне всегда имели личную свободу. С другой стороны, в перспективе тех лет крепостное право в России было отменено совсем недавно. В Финляндии все-таки, как рассказывали русские туристы, финны всех слоев общества отличались личным достоинством — «все они были *господами*». Как можно было тогда говорить о том, что разница между сословиями была в Финляндии больше, чем в России?

Это все-таки утверждали неоднократно, и подобные высказывания игнорировать нельзя. Противоречивость тут может казаться непонятной, хотя можно предположить, что ключ к пониманию сути вопроса, возможно, найдется в некоторых особенностях истории бытовой культуры в России. В России, как утверждают многие авторы XIX в. от Герцена до Бердяева, отсутствовало то «мещанство», которое было типичным для поведения средних классов в Европе того

времени. Россию иногда называли «страной бытовой свободы», имея в виду, что там люди в своей повседневной жизни не были рабами всяких буржуазных предрассудков и ограничений, хотя в то же время они не имели политических прав [12, с. 12–16; 156–159].

По-видимому, в утверждениях Герцена и Бердяева есть зерна истины. Описываемая ими ситуация, может быть, была связана с тем, что средний класс с его претензиями к культурной гегемонии в России тогда еще почти отсутствовал. С другой стороны, в России высший класс привык общаться со своими крепостными с позиции патернализма, и последние отвечали в том же духе, без претензии на самостоятельное достоинство. Ритуалы православной церкви укрепляли близость всех людей независимо от класса, даже физически через христосование. Вдобавок именно в России была тогда еще жива традиция уважения к юродивым и странникам. На Западе, включая лютеранскую Финляндию XIX в., такие традиции уже давно вымерли.

Корреспонденция финской печати, конечно, говорит столько же о финской печати и Финляндии того времени, как и свидетельствует об условиях в Петербурге. В росте числа статей можно увидеть в целом развитие самой прессы, в их содержании виден подъем финского национального движения и оживление контактов между Финляндией и Петербургом. В тональности статей с начала 1880-х гг. иногда, хотя и удивительно редко, можно отметить и длинную тень газетной полемики о положении Великого княжества.

Что касается «линии» разных газет в описании Петербурга, то можно констатировать, что органы либералов, в частности *Helsingfors Dagblad*, и органы шведоманов, в частности *Nya Pressen*, писали о Петербурге наиболее активно. *Helsingfors Dagblad* была основана бывшим офицером Финской гвардии Робертом Лагерборгом, который служил в русской армии и хорошо знал Россию [13, р. 230]. *Helsingfors Dagblad* был органом либералов, который иногда еще называют «первой финской газетой современного типа» [Ibid.], она славилась особенно как рупор «сепаратистов». Такую же славу получила и *Nya Pressen*. В кризисном 1885 г. сам император выражал свое недовольство из-за внешнеполитических статей этих газет, и генерал-губернатор Гейден «предупредил» их, угрожая более жесткой цензурой [5, р. 176–192]. Много писем из Петербурга публиковали и Выборгские газеты, но, в целом, Петербургом интересовались газеты всей Финляндии, даже таких отдаленных местностей, как Вааса и Оулу (Улеборг).

Не представляется возможным показать существенные различия в тональности разных газет. По крайней мере это нелегко. Может быть, заслуживает внимания то, что газеты шведоманов и либералов,

на которые русские газеты особенно остро нападали как на печатные органов «сепаратистов», в общем отличались публикацией симпатичных фельетонов и особенно хорошо информированных описаний о повседневной жизни метрополии. Объяснением может быть то, что именно у них хватало образованных корреспондентов среди членов шведоязычной колонии Петербурга, в которую входило довольно много чиновников, военных и предпринимателей.

Что касается напряженных отношений между фенноманской и шведоманской прессой, то это отражено в данном материале мало. Пожалуй, то, что шведоманские газеты особенно наслаждались описанием глупости и даже некрасивого внешнего вида карельских «вейков» на улицах Петербурга, отражает и их отношение к финноязычному населению и дома, в Финляндии.

Если пытаться подвести итоги всему сказанному, то, пожалуй, можно сказать, что общий облик Санкт-Петербурга был для финской прессы обликом огромного и чужого города, который все-таки становился постепенно более знакомым. Это именно образцовый город по своим институтам, положительные черты там преобладают. Люди там чудесно порядочные и симпатичны, не враждебны. То, что «русская угроза» для Финляндии постепенно становилась все более угрожающей, также отражено в изучаемой материале, но об этом говорится довольно редко. Это, конечно, во многом объясняется подбором материала. Изучаемый нами материал все же не включает в себя достаточно большое количество статей, которые в то время были опубликованы о «финляндском вопросе». Но читатели финских газет того времени их тоже знали и, как надо полагать, читали их с особой тревогой.

Литература

1. *Tommila P.* Suomen sanomalehdistön alkuvaiheet // Suomen lehdistön historia I. Kuopio: Kustannuskiila, 1988.
2. *Tommila P.* Yhdestä lehdestä sanomalehdistöksi // Suomen lehdistön historia I. Kuopio: Kustannuskiila, 1988.
3. *Leino-Kaukiainen P.* Sensuuri ja sanomalehdistö Suomessa vuosina (1891–1905). Helsinki: SHS, 1984.
4. *Landgren Lars-Folke.* Kieli ja aate — politisoituva sanomalehdistö (1860–1889) // Suomen lehdistön historia I. Kuopio: Kustannuskiila, 1988.
5. *Hyyämäki L.* Suomalaiset ja suurpolitiikka. Venäjän diplomatia Suomen sanomalehdistön kuvastimessa (1878–1890). Helsinki: WSOY, 1964.

6. http://www.hel2.fi/Tietokeskus/julkaisut/pdf/24_06_09_Tilasto_16_Vuori.pdf.
7. *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2005.
8. http://www.hel2.fi/Helsingin_kunnalliskertomukset//pdf/1890/1890_13.pdf; http://www.hel2.fi/Helsingin_kunnalliskertomukset//pdf/1888/1888_tabellbilagor.pdf.
9. *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere: University of Tampere, 1974.
10. <http://digi.lib.helsinki.fi/sanomalehti/secure/browse.html?action=directory&id=2416>.
11. *Исупов К.Г.* Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: Pro et Contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 2000. С. 70–78.
12. *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918.
13. *Ekman T.* Suomen kaarti (1812–1905). Helsinki: Schildts, 2006.

Сокращения названий газет

FAT —	Finlands Allmänna Tidning
HBL —	Hufvudstadsbladet
HDBL —	Helsingfors Dagbladet
K-S —	Keski-Suomi
NP —	Nya Pressen
OWS —	Oulun Wiikko-Sanomat
PU —	Päivän Uutiset
RL —	Rauman Lehti
SanTamp —	Sanomia Tampereelta
ST —	Sanomia Turusta
SVL —	Suomen Virallinen Lehti
US —	Uusi Suometar
WBL —	Wasabladet
WT —	Wiborgs Tidning
WS —	Wiipurin Sanomat
ÅT —	Åbo Tidning
ÅU —	Åbo Underrättelser
ÖF —	Östra Finland